

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №9 2020 ГАЗЕТА

Письмо Сталину / Современная российская проза

ДАНИЕЛОВ Александр Романович

Родился в 1959 году. После окончания ВУЗа два года служил офицером в армии. Автор повестей, рассказов, а также исследований по проблемам политики, экономики, культуры, опубликованных в ряде научных, деловых, и литературных изданий. Живёт в Москве.

КАЗАКОВ Александр Петрович

Родился в 1954 году в Смоленске. Прозаик, драматург, переводчик. Работал в учреждениях культуры Новгородской области и Пскова, преподавал в школе, служил по контракту в спецназе ГРУ. Публиковался в журналах «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Север» (Петрозаводск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Московский Парнас» (Москва), «Высокий берег» (Анапа), альманахах, коллективных сборниках. Автор семи книг прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Пскове.

КИЛЯКОВ Василий Васильевич

Родился в 1960 году в Кирове. Работал мастером на заводе, служил в армии. Окончил Литературный институт им. Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Юность», «Молодая гвардия» и других изданиях. Лауреат литературной премии имени Б. Полевого и Всероссийской литературной премии «Традиция». Член Союза писателей России. Живёт в г. Электросталь Московской области.

Памяти Юрия Бондарева (1924–2020)

29 марта 2020 года на 97-м году жизни скончался Юрий Васильевич Бондарев — русский, советский, российский писатель-фронтовик, чьи книги входят в школьную и университетскую программу. Многие годы Юрий Васильевич был автором, другом редакции, членом редколлегии нашего журнала. В «Роман-газете» были опубликованы многие его произведения, ставшие классикой отечественной литературы.

Можно лишь сожалеть, что в последние десятилетия проза выдающегося писателя находилась в информационной блокаде.

В России сегодня стало меньше на одного истинно русского, правдивого и мужественного писателя, на одну героическую личность, на одного её защитника и любящего сына.

Выражаем глубокие, искренние соболезнования родным и близким Юрия Васильевича Бондарева.

Редакция и редколлегия журнала «Роман-газета»

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:

Дмитрий Белюкин

Юрий Бондарев

Семен Борзунов

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Ответственный
редактор

Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2020

Все права защищены

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные
индексы издания:

в каталоге агентства

«Роспечать»

70782 на полугодие,

71752 на год;

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2020 №9 /1854/ Основана в 1927 г.

«Письмо Сталину»

Повести и рассказы

Александр Даниелов

ПО ОБОИМ БЕРЕГАМ МИУСА

Повесть

Кюгу от Тореза. Донбасс. 26 августа 2014

Смушение. Двусмысленность. Остаётся лишь жалеть. Срамота...

В палатке — нестерпимо. Вовсю распалилось обычное для послеполуденной степи удушающее безумство. Сквозь брезент жжёт огненным драконьим дыханием.

— Оксан, у нас ещё есть крем «Траумель»? Я искал, но, видимо, не там. Мне — не прямо уж сию минуту... но надо найти.

Оксана посмеивается смело, если не нагло, словно уже имеет на Ольхового определённые права. Показывает полностью зубы, крупные, с желтизной у дёсен. Отирая рукавом халата лоб, подносит ему лоток со скальпелями, захватами и заготовленными тампонами.

— Ще е небагато. Ввчери витдам... Вам зараз трэба домога, Мыкола Богдановыч? Або сами впроається?

— Сам управлюсь. Ты б, Оксан, приготовила мне иголку. Вот это — срочно. Скоро шить буду. — На неё Ольховой старается не смотреть, притворствует: дескать, полностью сосредоточен на ключице пацана, лежащего на операционном, самодельном столе. Притворствует: ничего такого там нет, чтобы концентрироваться на ране.

Пацан, обозлённый, плюётся матом, но не на врача, а на того, кто полчаса назад раскалённой острой мерзостью пропорол ему над ключицей. Пуля, вероятно, вошла уже ослабевшей в лямку бронжилета, снайпер бил издалека. Чуть затронула кость, но даже не сломала и осталась в жгучей мышце. Выковырять такую для полевого хирурга — как свиснуть. На десять минут дел-то, вместе с дезинфекцией и зашивкой разреза.

Ольховой промазывает йодом всё плечо у подбитого перед тем, как резать:

— Делать обезболивающее или потерпишь?

В присутствии Оксаны-милашки, которую открыто хочет половина харцызского батальона (с плотоядным придыхом называя её Манюней), сегодняшний пацан, храбрый, решает обложить и анестезию. И хорошо, что отказался; новокаин и лидокаин заканчиваются, осталось совсем немного — лишь для самых трудных пронижений.

Кроме Оксаны к батальону прибились и другие женщины — настаивают борщи, режут сало неровными ломтями, кладя его на огурец и всё вместе на квадрат плохо пропечённого хлеба сланцево-серого оттенка. Но лишь на двоих из десятка прифронтовых муз точат зубы воины. Прежде всего, на своенравную и всегда заливающуюся смехом медсестричку, у которой даже широкий халат еле застёгивается на груди. Лезут к ней по-всякому, несмотря на её страсти к высмеиванию любого, пытающегося очаровать прокуренным шахтёрским шармом. Льнут и к давным-давно уехавшей в эту степь от сумгаитской резни, широкобёдрой, уже немолодой, но всё ещё завлекающей своей восточной сладостью, не переборчивой в вечерних симпатиях Тамаре Левоновне — у неё сын воюет южнее, за Раздольным, там линия обороны изменяется каждые три часа, ехать туда — самоубийство, поэтому она ждёт сына здесь, варит в пятиведерном казане для всех острый суп из овечьих потрохов и обрезов гузки.

Когда-то тут были ещё две, почти профессионально умелые, искали спроса. Одна приехала из Черновцов, бессарабка. Звали её не то Стеллой, не то Астрой; ну, то есть, как-то не по-людски. Вторая была с востока, со станции Лубны, уже никто и не помнит её имени. Приехавшие жрицы любви, не найдя лучшей карьеры в мегаполисах, решили здесь, в скоплении оторванных от семейных радостей и забывших домашние запахи мужей хотя бы как-то заработать. И просили-то недорого. Но желающих платить им за ночь оказалось немного, всего лишь несколько, из иноземцев, не только давно, но и далеко оторвавшихся от своих домов.

* * *

Подраненного пацана сегодня принесло из разведкоманды. За ним, насколько помнит врач, закрепился какой-то модный, научно-технический позывной — Дивайс. Ещё про него рассказывают, что родом он из соседних мест — из Артёмовска как будто или Часова Яра. До войны слесарил на автосервисе в районном посёлке и портил поселковых девок. А сейчас оказался незаменимым в пластунском ползанье и прожигании кумулятивными гранатами передовой брони нацгвардии (или нациков, нацистов, как по-разному их тут называют). И ещё его ценят за то, что умеет ремонтировать: сам, с пятком подсобников только на прошлой неделе наладил ход им же подбитой БРДМ днепрпетровского десанта.

На вид Дивайсу не больше восемнадцати, но затурность его и нашитые ромбики на нагрудном кармане — по числу спалённых машин — говорят об обманчивости курносого детского лица и торчащего пшеничного клока на лбу.

Николай Ольховой старается не смотреть на ассистентку. Стыдится вчерашнего.

Как он ни противился все предыдущие дни, перетекающие в недели и месяцы, её зовущему аромату,

манкú ещё молодого, небольшого, истекающего желанием тела, как ни старался думать о доме, где осталась отчаянно любимая Ильсия, природное в нём всё-таки задавило оставшееся здравомыслие. Он ведь даже стал забывать, какая она, женщина, в прикосновении. Без малого три месяца здесь, в одичавшем донецком раздолье, сделали из него если и не животинку, не представляющую, что такое порядочность, то уж, наверняка не моралиста.

К тому же позавчера-вчера вылакали из хирурга весь запас крепости — на отладку к нему направляли и направляли; он даже запутался в счёте, сколько ранений пропустил через себя. Двадцать шесть? Или сорок шесть? Пришлось и констатировать убыль двоих, которых незачем везли, надеясь на чудо. Одного, из гражданских, дежуривших 24-го числа на ближайшем к Трехблочке трассе, бритого под ноль пузыря, равного в диаметре что по высоте, что в ширину, убило, по видимому, ещё там, на месте; раздробило позвоночник. Другому, слишком горбоносому для того, чтобы сойти за местного, в чёрных кудряшках густых волос на голове и спине, осколок от мины, выпущенный отступающими с высоты 277,9, или Саур-Могилы, нацгвардейцами попал в печень, разорвав всё в крошево.

В починке остальных, лишь слегка подпорченных, Николай измотался так, что даже не смог озлиться, когда в который раз прибежал Ефрем Васильевич Колзин, хорошо упитанный, возрастной зануда из арьергардного взвода охранения — то у него палец в кровь прищемило тугим предохранителем автомата, то просил посмотреть, как стопа распухла от пореза о неведомо где торчавший гвоздь. Вчера же заявился с требованием удалить ему занозу, значительно ниже пупа, которую он схватил от дощатой стенки походного душа, при помывке.

— Я бы и сам её выковырял, — привязался Ефрем Васильевич, — но уж место больно, того, интимное. Боюсь, как бы не повредить там себе. Так ты, Айболит, уж постарайся. Аккуратненько.

Николай даже не посмотрел на место, в которое тыкал несуразный ополченец.

— Ну, раз аккуратненько, да чтобы не задеть ничего, то буду доставать тебе эту занозу согласно протокола ректального вмешательства.

— Как, говоришь? — не сообразил Колзин, о чём речь.

— Через заднепроходное отверстие! — отвернулся от него хирург, готовясь вырезать по осколку стали из подлокотья и бедра недавно принесённого ему лёгкого солдатика, уже лежащего на операционном столе со спущенными спортивными шароварами, сцепившего зубы, чтобы не стонать при Оксане...

И ближе к ночи нывшее тело и мозг потребовали у Николая отдыха. Он не чувствовал уже своим ни то, ни другое. Живот, и так с отрочества втянутый, ещё больше ввалился. По рукам с длинными тонкими пальцами фортепианного солиста вспухли бечёвки артерий.

Помня некогда полученный в ростовском окружном госпитале урок, когда раненых и умирающих везли из чеченского форшмака каждый день, он не стал глотать капсулу-энергетик, не стал бодяжить «коктейль дальнобойщика» — растворимый кофе в разогретой пепси, — а залил в глотку из мерной колбы семьдесят граммов спирта, который пока ещё был в операционной. От загнанности за прошедший день еда в него уже не лезла, поэтому сразу же сплющило, и он поплыл расплавленным воском. Но желаемое облегчение всё же пришло...

В такой полужидкой консистенции его и нашла кроха Оксана. Он не очень-то и помнил, как там оно всё начиналось, что *он* говорил, что *она* ему, просто заметил, что уже какое-то время держит в ладони её податливую правую грудь и тычется губами в её губы. Оксана не только не противилась, но и тянула на себя. И впопыхах скинула лямки комбинезона...

Ну, а потом всё происходило так, как это только и может происходить в колючих пыльных зарослях за медицинской палаткой, под малярийно-белой лунной — неудобно, суетливо, без радости, лишь на поводу у инстинкта.

А теперь Ольховой отворачивается от медсестрички, не умея прямо посмотреть ей в смеющиеся глаза. Играет повышенным вниманием к подраненному Дивайсу.

Узнал об Оксане много, от неё же. Болтлива оказалась... Она здесь управлялась за всю медицину ещё до его приезда. Кое-как, со средним образованием фельдшерицы, перевязывала дырки от пуль и осколков на разных частях тел бойцов Отпора, если дырки были мало значительными для областной и даже торезовской больницы; мазала ожоги, меняла повязки у продырявленных, следила, как идёт заживление. Отпаивала валокордином-диазепамом местных бабулек и нескольких оставшихся дедулек, которым уезжать было некуда и не на что — сердечные приступы теперь случались чаще, по мере ужесточения обстрелов жилья с высот, захваченных армией и сбродом «гвардейцев».

Приехала сюда в начале апреля, с запада, из жиитомирского захолустья, как только там бандеры стали врывать в городские и районные управы, унижать милицию и православных батюшек. Боялась и за дочь, и за себя — муж был на плотницких работах в Перми, и все в её райцентре знали, что он этим обстоятельством доволен. Но самым опасным было то, что многие знали и о её деде Лукьяне. Того, никакого не НКВДёнка, а сопливого младшего сержанта, радиста, в середине пятидесятых годов в составе неполного стрелкового полка послали бить бандер УПА по карпатским склонам Франківщины. Теперь бы ей деда припомнили, как припоминали всем «зрадникам», предателям в их понимании, и ближней родне зрадника. Убить, возможно, и не убили бы, но поизмывались бы от души.

Оксана заперла на все три замка свою квартирку в панельной хрущобе и с дочкой поехала на восток — в Донецке жила одинокая мачеха мужа.

— А чего то вы, Мыкола Богдановичу, бильш на російський мови говорять? — спрашивала она в начале лета у Ольхового, ставшего из-за причуд судьбы её непосредственным начальником. — Вы ж украинську знаєте.

— Знаю. Алэ цэ в мэнэ звычка, ма́буць. — Николай сдержанно разглядывал малую, но полномясую, русую дриаду, не в силах задержаться взглядом на бутылочном стекле её глаз. Она с самого же начала стала выказывать присланному хирургу свою недвусмысленную заинтересованность, что Ольхового и смущало, и злило... — Привык, — повторил он. — Я ж большую часть жизни в России прожил. Все знакомые, и по службе, и по жизни говорили по-русски, жена тоже, недоросль мой — соответственно.

— А сколько вашему хлопчику? — Оксана упорно крутилась, не боясь порезаться, перед самым его носом, таким же тонким и острым, как хирургический ланцет, плескавшийся в кипящем стерилизационном судке в углу палатки.

— Уже четырнадцать минуло.

— А мойий доньци — тильки шить, — непонятно почему взгрустнула тогда, вздыхая. — В вас жинка руська?

— Нет, не русская. Башкирка... А это имеет для тебя значение?

— Та ни, ничо́го. То я так... Мэни нация — однаково...

Николай, ещё тогда же как-то не очень удачно попробовал шутить:

— Я смотрю, тут у вас одни лишь Оксаны. Девять на десять девочек.

Помощница заходила тихим смехом, больше похожим на хлюпанье.

— Дуже тонке наблюденье.

Ольховой тоже слегка подцеплял в ответ:

— Не «наблюденье», а «постэ́рэдження»... Боже ж ты мой, на каком вы все языке говорите! Это ж не украинский, это гоголь-моголь. Я-то думал, что хоть у «западников» язык сохранился... Нет, везде — только суржик. У украинцев центра и востока — украино-русский. У вуйко́в (и галичан, и волянян) — украино-польский. В Закарпатье — русско-венгерско-украинский, на Буковине — украино-румынский... — он любопытствующе разглядывал тогда её форму, затаённо вымеривая взглядом ложбину между двумя надутыми полушариями, выпиравшими из ворота низко застёгнутого, не совсем чистого медицинского халата.

Сдобную плюшку Оксану ни тогда, ни позже не интересовывали филологические семинары: «Ну, як говорымо, так й говорымо».

После этого и выстелила понемногу за последующие месяцы Николаю всю свою предыдущую жизнь. Тот же помалкивал, в ответ не спешил делиться.

Собственно, и условия этому не способствовали — резали и шили без остановки; в первые два месяца большой донецкой войны раненых подвозили для хирургии сутками, перепадало и сельским, особенно старикам. Потом постепенно поток стал мелеть: многих стариков или поубивали снаряды из-за полей, или их всё-таки кто-то вывез отсюда, а бойцы просто учились воевать, не пёрли больше в ураштурм, рассредотачивались, расползались по степи вьющимися рептилиями, смотрели по сторонам, хоронились при артобстреле.

* * *

Сегодня, что необычно, кроме Дивайса пациентов нет. Так что остаётся время разобраться в не таком уж обширном лекарственном кофре, написать через телефон торопливую весть Ильсие, спросить о сыне, об их поездке в выходные за город, и отчитать-ся, как всегда вскользь: «У меня без изменений, самоощущение — в норме, погода тоже нормальная...» Писать это в качестве как бы поспешного, подразумеваемого извинения за вчерашнюю вольность. Словно оправдываясь перед собой.

Он и берётся нащёлкнуть текст, но в палатку уже протиснулась обезьянья рожа Шлыка.

— Богданыч, тебя Голова зовёт. Если только ты не занят. Казав зайти, як время будет. Не горит. — Помолчав, показывая, что распоряжение передал, добавляет, почёсывая за ухом тыльной стороной короткой финки: — Всё хотел узнать у тебя, Богданыч: а ты сам живого пиндоса видал? Ну, хочь колы-нэбудь...

Николай недовольно откладывает телефон.

— Нет, с американцами ещё не встречался, хотя кого только не видел!.. А тебе-то какой бубновый интерес к ним?

— Та хлопци тут взяли одного. Из тербатальона «Збруч». — В отличие от правительства, которое понимало «тербатальон» или, проще, «тербат» как «территориальный», а значит — сформированный на определённой территории Украины и оплачиваемый частно, одним из влиятельных «патриотов», в ополчении Отпора расшифровывают «тер» как «террористский».

Шлык всё ещё опасно расчёсывает себе кожу у шеи:

— Взялы вояку тыхо, рта йому завяззали. А як прынэсли сюды, развяззали... — а не руський. И не укруп. Непонятно, хто такой. Думаем, шо пиндос.

— Так меня из-за него Голова зовёт?

— Ни-и, цэ я так. Шоб ориентироваться... Ты ж у нас кадровый... У ко́го ж ще спытать? — Шлык из деликатности шмыгает только одной ноздрей.

Николай так и не знает: Шлык — боевой псевдоним, как у всех тут за редким исключением, или фамилия. Боец отвязный, всегда лезет в самый ад, нациков готов давить руками (его инвалидного брата те погубили при взятии Краматорска, до кучи, не выделяя, когда саданули очередь по небольшому сходу

горожан, выкрикивавшему им «позор!»). Знаменит тем, что успешен в мордобое, несмотря на миниатюрность. Брюнетик, загорелый, на цыгана похож. Высшая классность для него — не выстрелить в нацгвардейца или тербатовца, а всадить ему под скулу десантный кортик или ту же сегодняшнюю финку. Видимым осложнением после постоянных прямых соприкосновений с противником у Шлыка стало отсутствие передних зубов, что сверху, что снизу. Он этого не думает стыдиться, наоборот — дерёт горло на всех постоянно и сплёвывает через прореху. Жевать, правда, неудобно, но ничего, приспособится ещё. Молодой...

И что это Голове от хирургии могло понадобиться? У батальонного не было времени на зелёнки-пелёнки, воевать приходилось много и по колено в останках — своих и чужих. Проваливался западный фланг, там без передыху нацики и армейская артиллерия засыпали из «ноны» 120-миллиметровыми снарядами-минами, которые в полёте были низким бабыим воем. На левой стороне шоссе охраняемого участка не осталось ни одной целой хаты. Потери бойцов были предельными; день ото дня мортиролог прирастал именами и именами. Соседи утрамбовали, казалось бы, предыдущий ардивизион врагов, но у правительства находились всё новые дивизионы, и карусель крови не останавливалась.

* * *

Николай, как уже привык, поднимает из-под хирургического стола автомат, не ходит никуда здесь без него — никому не известно, когда может понадобиться, — и, разминая шею, вращая головой, выбредает на поиски батальонного.

Патрульные на шоссе спокойно, будто с детства только и делали, что останавливали автомобили, осматривают облупленную «Ниву», давно подлежащую утилизационному прессу и двигающуюся лишь на мольбе ездока. Водитель, апатичный брюхан, которого, наверняка, сегодня стопарили через каждые три версты, безропотно показывает ополченским мальчикам все скрытые полости машины. Мальчики похожи на школьников, прогуливающих урок словесности, по непонятной моде этого свирепого времени они одеты в бронированный камуфляж, с укороченными полицейскими «калашниковыми» по диагонали груди.

«Гляди ж ты, уже умеют! И когда только обучились?» — Ольховой ищет комбата, рассеянным зрением захватив блокпост. Двое шарят в машине, третий — сзади, контролирует водилу... Да, научись, когда столько их сверстников тут положили диверы, диверсанты из тербатальонов, переодетые в станичные обноски. Он лишь на прошлой жестокой неделе закрывал глаза одному такому, прогульщику уроков. Совсем был тот ещё по-детски нескладным, сделанным из одних лишь рёбер; удрал из дома, из мирного тыла в центре Украины, чтобы здесь, в терриконовой

шахтёрской степи начать очищать в том числе и свой тыловой пригород от рунических, совершенно не украинских символов, фигур на эмблемах и знамёнах майданов-тербатов...

Но батальонного нигде нет. И у двух музейных габуиц, экспонатов, которые пригнали для их забытого предназначения из городского парка Славы, ныне стоящих в тених тополей вдоль обочины, никто не знает, где комбат.

* * *

Находит его Ольховой в известной шоферам-дальномерам, по довоенному времени столовке при трассе, только что наспех приспособленной под подобие летучего штаба и склада трофейных снарядов (для отбитых у нацистов условно современных самоходных артустановок и стационарных миномётов).

Командир батальона, собранного в мае в Харцызске, с фамилией Довгало, подглуховатостью и запоминающейся привычкой неприятно громко щёлкать в размышлении пружинным устройством шариковой ручки. Единственный в этом крыле движения Отпора старше Ольхового годами.

— Здоров був, Айболыт, — машет Николаю из дальнего угла столовки-склада. Пьёт тархун из зелёного пластика, недовольно кривясь: газировка тёплая и оттого гадкая — холодильник стоит отключенным, электрокабель вдоль шоссе перебило прилетевшей «ноной» уже больше двух дней назад.

— Здоров, Сэмэн Даныловыч! Да не Айболит я, сколько повторять!.. Он по ветеринарному списку проходил. А я-то больше на людях упражняюсь, — хирург пожимает гиревую руку комбата.

Довгало, бородатый, взъерошенный, с рано поседевшими вихрами, компактный, но выносливый, чугунный, как зверь-броненосец, усаживается в стоящее в углу кресло, отвинченное с водительского места автобуса. Предлагает глазами и Николаю присесть в похоее, валяющееся у входа. В помещении ходят рядовые, уже непризывного возраста, таская с улицы ящики, набитые патронами любой маркировки и размера и ещё с завода закукленные в промасленную обёртку заряды для ручных гранатомётов.

— Ну, як в тэбэ справы? — Комбат прикрывает ладонью зевок.

— Какие ж у меня дела? Сегодня — вообще, считай, без работы. Только одному и помог. Пульку вытасил и на память отдал. — Ольховой кладёт на пол пока не пригодившийся с утра «калашников». — Может, пойди мне с вами, Данылыч, с хлопцами? Повоевать малёк, кости размять, бандер, ляхов-найманцев да разных прочих шведов полúщить. А то я так вообще стрелять разучусь...

— Повоюешь ще, никуды те швэды от тебя не убегут, их тут прыехало — на повну роту. — Довгало, как ставя точку в конце каждой фразы, зевает от недосыпа. — Почуваю, шо биться нам с хунтой ще долго, сука. Так долго, пока більшисть людэй нэ зрозум-

ие, шо там сидят ворюги и запрóданци, холюи подпидосские, под которыми нам николаы не быть, сука. Цэ не на месяцы дело... — вздыхает. — Так шо постреляешь ще.

Николай стягивает с себя куртку и вытирает ею бока — накал уходящего лета впивается в тело, в стены, в бетон цоколя, в сгоревшую до паркетного оттенка траву у крыльца.

— Ну, а вообще как у нас обстоит? Что нового? А то я кроме бинтов ничего не вижу. Совершенно выпал из контекста.

Комбат допил тархун и завидным броском зашвыривает пустую бутылку в далеко стоящий ящик с отходами и обрывками бумажного мусора.

— Та шо нового? Багато чога нового, — подзадумался. — Из поганого вот шо: вчора ще четверых потеряли, сука. Особливо жаль Генгему, то бишь Галыночку Хмару, на захвате работала в звене Скомороха. Донежанка коренная, мастер боевого самбо, красуня... Эх, даже не рожала ще... А скольких вуйкóв на той свит наладила!.. — Довгало неизвестно кому грозит пудовым кулаком. — Ще грека наш, Костаниди, тож коренный, азовський. Вёрткий був, як гюрза. А от, вбылы... Пóтим ще Стёпа Пospelов. Тож боевой був. Козак! — Комбат по-украински выделяет «о» в слове. — Прыйихав до нас з Астрахани. Ще з самого начала тут... И, четвёртый, останний, а́нтал Надь. Памятаешь такого? Мадяр. Ну, усатый, как из «Песняров»... Наш человек, хочь и латынянин по вере. Чёткий був наводчик. — Довгало горько пыхтит. — Полегли братья за курган Савур. Но зато курган мы отбили. Самый высокий тут. И трёх недель хунта его не удержала! — Победно усмежается. — Ну, шо ще з поганого?.. Нацики разбили артиллерией усю вульцю Зубкова у Харцызьски. А ведь у городе наших бийцив николаы й нэ було. И нацики нэ мóжуть про цэ нэ знати. Трóщат дома, сука, шоб у наших хлопцев голова болела за родных, оставшихся на вулице, а не за продóвження отпору... — Снова возносится литая рука. — Тут девчата з села глядили телек, так там хунтовський канал «Одын плюс одын» передав, сука, шо то мы сами растрóщили город. Чуешь? Мы сами! Ну, нормально? Когда у меня в батальоне, почитай, половина з Харцызьска... А наци ще одну церкву сожгли дотла — храм Ивана Кронштадтського...

Довгало щёлкает кнопкой шариковой ручки, высовывая и засовывая обратно стержень.

— Есть присказка така, деткам кáжуть: не ешь с ножа — злым вырастешь... Так, видать, ту хунту с топора, сука, кормили.

Ольховой вытягивает ноги по полу, полулёжа в своём автобусном кресле.

— Ну, а что хорошего?

Комбат, наигравшись с ручкой, прячет её во внутренний карман камуфляжа, подальше, чтобы не сломать щёлкающую часть — ещё понадобится.

— Гарного тож немало. Драп нациков. Со всего восточного Донбасса. Наши пошли на Мариуполь,

отвоевывать. Нацки обосрались с переляку, драпают так, шо тильки пыль по дороге, сука. Соседний наш батальон «Исток» обзавёлся новыми тремя, чуток подпалёнными танками — подарок от вуйков. Те бросают усё, шо не могут увезти. С утра мы перебили у них батарею «Мста-Эс». Так шо металлोलому для мартенов прибывает. — Довгало медитирует недолго и, превозмогая сон, мямлит под нос: — Тебе б, конешо, Айболыт, надо бы в город перебираться, в больницу. Там хочь какое ни есть оборудование, медикамент. Но, по нашим соображеньям, та больница у нациков пристреляна. Неровён час... А тут твоя палатка ничем не приметна. Так шо звяняйте, придётся пока тут.

Николай вспоминает о Шлыке:

— Да, Данилыч, мне тут твой разбойник сказал, что ты хотел что-то от меня. Что хотел-то?

Довгало потягивается у себя в углу, с усилием протирает глаза, чтобы соскрести густую, как клейстер, дрёму.

— Правильно вин тоби сказав. Хотел... — Достает из кармана мобильный телефон, собираясь звонить или ожидая звонка. — Мои у Кутейниково взяли двоих нацистив, з тербатальону. Сейчас везуть сюды. Когда доберутся — Бог знае. На дорогах-то неспокойно... У одного з нацев, старшого, ногу страшно порвало, даже ступать не може. Так ты готовься его брать к себе. Надо, шоб с ногой остался. Важный овощ. Прозезинфицируй или ещё шо... Ну, шоб гангрены, там, не завелось, или... не знаю.

— Посмотрю, Семён Данилыч. За мной не встанет. Это ж моя специализация: микрофлора мышечных ран, раздробленные коленные чашечки, раневые инфекции, переломы шейки бедренной кости. Особенно люблю сдвиг межпозвонковых дисков и иные прелестные вещи, — удовлетворяется Ольховой, узнав, зачем был нужен комбат.

— А ты, видать, сьогодни в гарном настрое, — отпускает его, наконец, Довгало. — Вообще-то, не в моих принципах из тербатальонов у плен брать. Это тебе не армейцы и даже не нацгвардия, люди подневольные, бильшисть которых насильно призвана, особлыво солдатство... Ни-и, в тербатах — тильки инициативники. Или просто за бабки, и большие, или ще к тому ж и идейны нацисты, для которых мы усе — и российские, и украинци, шо хотят оставаться з Россиєю, — усе колорады, вата, ватники... Они нас в плен не берут, катюють, казнять. И я их не беру. Як правило... Но эти двое, шо до нас зараз везуть, нужны. Здóрово нужны. Так шо ты, Айболыт, почини мне раненого. Шоб до ампутации ноги, сука, не дошло...

Червона Слобода у Черкасс. 19 мая 2014

Не хотела Светка спокойно сидеть на колене Борятёва. Ну, вот не хотела, и всё! Крутилась, пыталась соскользнуть на пол, убежать. Не понимала, отчего

папка так крепко обнимает её, гладит ей всё время волосы и целует в затылок. Ей хотелось на проулок, побегать с Гарпушей из соседского двора, попрятаться в лопухах за дровяным сараем, погонять кур с огорода — они так смешно разбегались с кликушеством от брошенной в них ветки, так смешно лопотали...

Но папка не отпускал. Приходилось терпеть в такую жару его горячие руки.

— Ну, шо ж ты всё прыгаешь, скажённа! — мимоходом укоряла её бабушка, накрывая стол на веранде. — Батько прыйихав, а ты даже сэкундочки нэ можеш посидиты з ным поруч. Ось уйдэ, будеш сумуваты за ным.

— Да не надо грустить по мне, — Борятёв отмахнулся. — Я ж живой. Уеду, приеду, снова уеду, и снова приеду... Ладно, иди, играй.

Нехотя отпустив вертлявую дочку во двор, посмотрев ей вслед, он повернулся к теще.

— Стефания Петровна, спасибо вам за Светланку. Если б не вы, я б уже и не знал, как мне ехать. Наверное, и не поехал бы... А так...

Достал из кармана конверты.

— Здесь мои бумаги на вклад в «УкрСвитБанке», а здесь — полная на вас доверенность, Петровна. На всё, что у меня есть. Не Бог весть что, но всё-таки...

Тёща, казалось, не обращала внимания на его меркантильные заботы, продолжая ставить на клеёнку тарелки с оладьями, только что с огня, чашки, сметану, колбасу, наскоро нарубленный салат.

— Та годи, чога там! Бог дасть — не помрэмю. В мэнэ пэнсия, яка нэ яка... Хоча, краше не йихав бы ты, Евгэн. Всэ ж батько для дивчинки важнише, ниж бабка... То йийи старший брат уйихав кудысь, тэпэр ты... Я вже стара, та й хата моя, на жаль, нэ надийна, хытається, як я сама.

— Да будет вам, Петровна, — уходил в минор Борятёв. — Не шатаетесь вы! И надёжней человека у меня нет. Тем более, что я подправил тут, что надо. По поводу электрики договорился с Михасём Осыкой, всё ж монтёр на подстанции. Завтра придёт, посмотрит проводку, заменит, где требуется. Вы ему гривен сто дайте. Но только после того, как сделает, а не до. А то я его знаю!

— А ты надовго? — исподтишка, боясь напугать судьбу, спросила женщина, отводя вбок выцветшие, мокроватые, старые свои глаза. — Я вжэ нэ спытаю — куды. Можеш нэ говбрыть, якщо нэ хочеш.

Борятёв осушал лоб манжетой рубашки. Запекало уже совсем по-летнему. Шершни со шмелями ожили и гужевались в глазах навеса над верандой.

— Не знаю, Петровна. Как получится. Может, и надолго. Надо гопоту донецкую придавить. И кацапам ненасытным дать в зубы... Но надеюсь, что ненадолго. Вся страна, сами видите, поднялась. Им против всей страны долго не устоять. Да и за нас, фактически, весь мир. Все даже кацапского духа не хотят...

— Та шо тоби ти кацапы! А ты сам, хибá, нэ кацап? — тёща присела на краешек скамьи, напротив

Борятьева. — Ты б про доньку подумав. Як вона без тэбэ будэ, коли щось з тобою выйдэ? — Подтёрла под глазами каймой слободского наплечного платка.

Он негодующе ронял, как выбрасывал, на пол, под ноги, туда же уйдя взглядом:

— Я украинец, Стефания Петровна. Я здесь родился и вырос. Для меня эта земля — родная. И не надо за речь мне счёт выставлять. Русский — такой же свой для украинца язык, как и украинский! — Говорил с упором, хотя уже и без прежней убеждённости: мол, само собой... — К тому же, не могу я сидеть тут, когда мою страну рвут на тряпки. Крым отжали! Как бандюги, ночью, втихаря. Воспользовались, что у нас долго не было порядка, что армию никто не берёт... Донбасс отымают. А потом пойдёт и пойдёт...

Тёща сплетала костистые и кривые пальцы, переключенные болезнью и долгим трудом. Вздохнула:

— Та шо, Крим тэбэ нема́ кому йихаты? Ты ж нэ вийськовий... Та й нэ парубок вже!

— Да, вот потому, что я уже не юный! Как я могу тут спать, жрать, а тем временем туда посылают просто цыплят! Вы ж видели тех призывников! Им даже бронезилет тяжело таскать... Кого посылают-то? Из бедняков, дистрофиков... Нет, туда должны ехать только такие, как я. Мне уже, слава богу, в этом году будет сорок четыре. Я пожил. Двух детей после себя оставляю. А они? Ну, те, цыплята... Что они умеют? Что они навоюют? — Евгений неосторожно откинулся на шаткую спинку лавки. — Вот вы говорите, Петровна, что я не военный... Но вы ж знаете, я же старшиной в морской пехоте отслужил, ещё при СССРе. От первого до последнего денька. Кое-что помню, кое-что ещё могу. Не увечный. Глаза видят. Так что я там собою хоть пару наших хлопчиков упасу... — И после затянутой паузы, грузно: — Не-е, решено. Еду. Я и договор уже подписал. У нас тут формируется добровольческий батальон. Под Кременчугом. Один большой человек выделил средства. И все остальные — миром собирают по гривне, канадские поселенцы помогают... У нас там, в батальоне, немало таких собирается, как и я, в зрелости, служили, так что не жалко...

— Ну, дывысь, ты ж батько. Вже дорослый! Тоби ришаты. — Тёща смотрела укором, стяхивая с подола невидимые крошки. — Алэ якшо загинеш там, то знай, шо донька твоя, та й сын, тоби цього не простять. — И она снова посмотрела на Евгения тем самым взглядом, памятным ещё с позапрошлого сентября, с церковной службы, с тех скомканных поминок.

То был самый невыносимый взгляд, который нёс на себе Борятьев. Уже больше полутора лет минуло, а взгляд Стефании Петровны его сжигал. С того лютого сентября, когда в не принимаемой рассудком катастрофе, на дороге, подлость своевольных узоров судьбины забрала у него сразу трёх дорогих, любимых. Любимей — только дочь и сын... Хотя... Разве ж можно так считать! Все любимые...

Тогда он подболел. Температурил, из носа капало, как из проржавевшего топливного бака, всего трясло, тридцать девять и три, рвущий горло кашель, ломкое тело, всё тянет в постель. Конец сентября выходил ветренным и ледяным. Но как раз в это время надо было везти родителей в аэропорт Черкассы; им нужно было лететь в Одессу, в санаторий под Каляглей.

Борятьев мог бы наглотаться тогда пилюль, ещё чего-нибудь, собраться. Но, признаться, не хотелось выходить в обваливающийся ливень из тёплого дома. Можно было бы и такси нанять, да жалко стало денег — зачем тратиться! Езды на двадцать минут, есть же своя «Лада-приора», а таксёры, свора гиен, заламывают несусветные цены, когда слышат про аэропорт. Вот и вышло везти жене. Кому же ещё? И кто тогда думал о том, чем всё кончится!

Дорога скользила, ливень издевательски рушил стену воды навстречу, приходилось ехать по реке. И Тося не справилась с управлением, вылетела на встречную полосу, как потом было написано в протоколе; разделительной линии вообще не просматривалось. Ну, и — встречный многотонный двухприцепный обоз на полной скорости въехал в них на Смелянской, на самом уже подъезде к аэропорту.

Убило всех троих в «Приоре». Жена с папой сразу же были раздавлены — месиво. Папа всегда любил сидеть впереди, рядом с водителем. Вот и посидел... Мама умерла лишь на утро — оказалась в машине за невесткой, которая взяла весь удар на себя — на лицо, на грудь, на сердце...

Тёща и так не очень-то почитала зятя. А за что почитать? Самодуристый, властный, совсем придавил тихую и безотказную жену, Тосю, любимую донечку. Огромный, как слон, рядом с такой тендитной Тосечкой. Бесцветные ещё эти его глазищи, как будто бельмы... Да ладно бы был гáздой, хозяином справным! Так ведь заработки-то — от раза к разу. Вот вроде бы закончил в Харькове уважаемый технический университет, что-то по электронике... Ну, и что с того! Поработал по профессии лишь пару годков. А где, кому в стране последние два десятка лет электронщики требуются?.. И потом пошло-поехало: по закупке стройматериалов, директор зачуханного дома отдыха на Южном Буге, маленький начальник на горнолыжной стройке Буковель. В перерывах же между случаями работы лежал дома, как тюк, и только под телевизионных обозревателей страдал, всё переключал кнопки. А Тосечка тянула на себе пятных, обстирывала, обглаживала, кормила — его самого, сына с маленькой Светланкой, мужниных родителей (ведь вынуждена была жить вместе, в их черкасской квартире), — вычищала в блеск всю эту четырёхкомнатную громадность, а ещё и работала пятнадцатидневка кадровиком шёлкового комбината, беденькая...

— Простите меня, Стефания Петровна, если сможете. Это из-за меня, — по-новому, чуть ли не заис-

квивающе, воспалившимися глазами смотрел на тещу Борятьев в церкви, когда отпевали сразу троих погибших. — Я во всем виноват, только я. Не сберёг..

— Та нэ звывува́чуй сэбэ. Пры чому тут ты, Евгэн, — старуха неподвижно стояла, ненавидящими глазами ударяя в него тогда, впервые прямо в зрачки. Впервые, потому что раньше — только куда-то мимо.

Западное Предуралье. 10 мая 2014

Не просто суббота, а ещё и праздники. Клиенты — насыщенные и возможные — съехали на дачи, открывают сезон грядки и мелкого ремонта по дому, в городе мало кто остался. Кому сейчас до обустройства контор! Сегодня никому не требуется компания «Функционал-1М», комплексное оборудование офисов «под ключ»: мебель, оргтехника, оптоволоконная связь, бытовые электроприборы». Сегодня важнее раскупорить после зимней спячки свою дачную халабуду где-нибудь на бережку Белой — широкой и совсем не светлой реки Агидель — или в направлении Чишмы, или в противоположный бок, по Челябинскому тракту, собрать прошлогодний бурелом, покопаться в трубном змеёвнике от «Башводоканала», просто побездельничать на природе, а то и улететь далеко, к морям и дельфинам.

Дни нежеланной праздности. А раз нет работы — нет и денег. Сиди, лапу соси.

— Так и будешь весь день в окно утыкаться? — за спиной зазвучало меццо-сопрано: Ильсия распевалась с утра. — Совсем потерял интерес к дому, Ольховой? Ты уже не с нами, уже сбежал? А у сына твоего, сачка́, между тем, по химии — двойка на двойке. Позанимался бы с ним, чтобы он хоть этот класс закончил без скандала, не как прошлый. Я ничем с химией ему помочь не могу, а ты ж в своей академии изучал, обязан помнить. А, Ольховой? Или гори всё?..

Повернулась, встречая два распахнутых, светлых серых знака вопроса под тонкими, частью выщипанными чёрными бровками.

— Тебе сколько говорить, Иля, чтоб ты меня по фамилии не называла? Не выношу это в семьях. Когда жена так к мужу обращается...

Женщина показательно недовольно дёрнула плечами, фыркнула — так фыркают только что вынырнувшие из воды, — развернулась, ушла в кухню-гостиную — исполнять гаммы посудой в мойке.

Он ощущал себя преемственно, но снова самым боковым зрением и самыми задворками сознания отметил безупречность линий её высоко оголённых, немного венозных, но всё так же, как в юности, ошеломляющих ног. И хотя эти ноги, наряду с другими, сегодня никак не могли быть первостепенными для него, Николай не мог командовать своими желаниями и умением замечать.

Удивительно, что с годами не наступало привыкание. Живут бок о бок изо дня в день; пора бы всё-

таки. А вот не привыкалось. И её ноги всегда волновали его. Из-за них, выписанных, словно у балерин Дега, он и захватил её когда-то. Захватил, как захватывают осаждённую цитадель — измором. И ещё из-за её гротескно выпуклой груди.

На этом, в общем-то, и заканчивалось её фёрте — сильные стороны. Ну, ещё глаза, вероятно, можно бы добавить: ясные при общей чернявости — всегда эффектно... Но не более того. Лицо грубовато, с неровной кожей, будто поле поздне-мартовское, ещё голое. Не придавали изящества ей и большие мужские руки.

Носила она свой метр восемьдесят гордо и прямо, даже чуть откидывая голову назад. Он, из-за приобретённой за операционным столом сутулости, часто казался даже ниже неё.

В тот день, незадолго до расставания с нечёткими перспективами, Ольховой зачем-то вспоминал, с чего у него всё начиналось с его такой несовершенной, но такой зовущей Сиреной.

Чего вспоминать? Зачем?..

Впервые он влетел в Уфу ещё курсантом, в двадцать один, весной, в год ГКЧП и последующей смерти Союза. Направили на стажировку в гарнизонный госпиталь.

Вобрал в себя этот русско-тюркский город, его едва уловимый флер мечтательности, но одновременно и его же устроенность, устойчивость. Горячие мясные учпачмаки на каждом углу, сок течёт по подбородку. Парки-леса на пол-Уфы... Его, увлечённого самоучку-малевальщика, оглушил художественный музей, без преувеличения, мирового ранга, о котором он никогда даже не слышал. В столбняке стоял перед незаконченной шедевральной первой пробы «Видения отроку Варфоломею», нечаянно прорванной ещё самим Нестеровым, позже с любовью склеенной и залазанной неторопливым реставраторским шпателем.

Его, тогда ещё не искущённого, только что из госпитальной казармы, забрала и игра артистов драмтеатра в арбузовской пьесе «В этом старом милом доме». Увидел в театральном фойе в антракте одиноко озирающуюся, тогда ещё девятнадцатилетнюю Илю. И запульсировало, подкатило жаром к голове!

Прилип, начал безответственно врать о себе, пригласил на сэкономленные рубли пообедать-поужинать. Она забоялась отказать настырному солдату с медицинскими петличками, и так, первый раз в жизни, попала в ресторан. С испуганным интересом разглядывала пожилых и крепко подпитых дядек и тёток за соседними столами, нервно оправляя свою мини, которая лишь чуть скрывала восхитительные ноги...

Что за ноги!

Их себе она сделала на прыжках в высоту и беге в спортивном обществе «Спартак». Родители, старший брат и вся традиционалистская мусульманская